

Е. ЛАПТЕВА, кандидат философских наук

Российский государственный гуманитарный университет

Россиеведение: стереотипы и мифы

При изучении истории любой страны, особенно с такой сложной и трагичной историей, как Россия, иностранный исследователь в оценках событий использует не только имеющиеся в наличии научные знания. Немалую роль играют стереотипы восприятия, участвующие в формировании образа. Они тесно связаны с национальной психологией, но имеют и самостоятельное значение в процессе оценки и усвоения элементов чужой культурной модели.

Стереотипы обыденного сознания, имеющиеся у исследователя, являются частью национальной психологии. Они складывались на протяжении очень длительного периода. Россия, ее обычаи, общество и культура представляются исследователям как нечто экзотическое, в корне отличное от Запада, его традиций, культуры и общественных норм. В основе подобного воззрения глубоко спрятаны стереотипы обыденного сознания, возникшие у западных путешественников, начиная с первых западных послов в Московском государстве до современных профессиональных историков, политологов, культурологов и т.д. Западный миф о России зарождался именно в рамках литературы путешествий. В ней подчеркиваются такие черты характера, как эмоциональность русского человека, загадочность русской души, алогичность мышления, отсутствие рациональности, жестокость, лень, доброта, терпимость, гостеприимство, широта натуры, подозритель-

ность, религиозность, покорность, тяга к страданию, пессимизм и фатализм, противоречивость, скрытность, тяга к традиционализму и монотонность жизни, любовь к завоеваниям, храбрость и представления об избранности. Распространение получили такие внешние образы-характеристики, как холод, грязь, снег, мороз, тройка, медведи, икра, самовар и др.

Среди основных стереотипов обыденного сознания, которые присутствуют в работах современных американских исследователей России, можно выделить несколько основных, которые рисуют картину России как страны, в корне отличающейся от Запада. Образ, резко отличный от привычной западной картины общества и культуры, нарисован с использованием стереотипов, которые можно условно выделить в одну большую группу, назвав их «**стереотипами чуждости**», так как с их помощью подчеркивается именно отличие, чуждость российского общества и культуры от аналогичных американских, западных.

В американском россиеведении распространены *стереотипы тяги к страданию и покорности русского народа*. Он является основным и имеет зависимые, связанные с ним концепты. Совсем недавно на прилавках книжных магазинов России появилась переводная работа американского исследователя Д. Ланкур-Лафферьера «Рабская душа России. Проблемы нравственного мазохизма и культ страдания» [1]. Автор

книги – русист со стажем. Свою ученую степень он получил в 1972 году, защитив работу в области славистики в университете Брауна. В настоящее время Д. Ранкур-Лаферрьер является профессором русской литературы в университете Дэвиса (Калифорния). Его работа строится на основании анализа произведений русской литературы – как классической, так и современной – и вписывается в общую орбиту его научных интересов. Он утверждает, что русская культура – это культура нравственного мазохизма, «в центре которой находится личность, которая действует – сознательно или бессознательно – *против своих интересов*». С точки зрения западного менталитета, отсутствие рационализма в действиях и помыслах является главной «патологией» русского характера. Действие в ущерб собственным интересам, бессмысленная жертвенность глубоко непонятны и чужды западному исследователю. В итоге, по мнению автора, формируется особый, рабский менталитет, что является своеобразной формой мазохизма. Выводы автора опираются на избирательно отобранные исторические факты, укладывающиеся в общую канву повествования (монголо-татарское иго, церковное и царское всевластие, партийный диктат, власть номенклатуры и т.д.).

Аналогичную точку зрения, поддерживающую русскую склонность к страданию, высказывают многие исследователи. Она проявляется в работах не только психологов, историков, политологов, но и в трудах культурологов, специалистов по исследованию русской литературы и искусства. Например, И. Роув, театровед, в работе, посвященной российским постановкам «Гамлета», пишет: «Некоторые сцены, особенно в финале, апеллировали к чувству трагичного, бессмысленного страдания, которого так много в рус-

ской истории» [2]. Р. Хингли в работе «Русское сознание» отмечает склонность русского народа к самодраматизации [3, р.83]. Э. Робертс, известная по своим «оригинальным» национальным справочникам, в работе «Справочник ксенофоба по русским» пишет: «Русское качество «душа» – прежде всего. Люди с «душой» обладают тенденцией жить, плача, быть неудачниками в любви и падать с моста в реку по дороге домой. В русских глазах это ободряющее будущее. У русских есть тенденция «открывать душу». Русские являются народом, который долго страдает, но быстро упокаивается, обожает спонтанные жесты» [4, р.10]. В этой оценке есть все: юмор, своеобразная оценка политических событий, непонимание основных черт русского характера – отказа от погони за успехом, отсутствия рационального подхода к жизни.

Распространенным в работах американских исследователей является стереотипное убеждение в *пессимизме и фатализме* русского человека. Это убеждение связано с основным стереотипом тяги русского народа к покорности и страданию. По представлениям американских исследователей, русский народ в условиях подавления и жестокости со стороны авторитарного государства, сохраняя покорность, выработал, как считают западные исследователи, стойкий пессимизм. Стереотипное убеждение в том, что русский человек является неисправимым пессимистом, связано со стереотипом жестокости и присутствует во многих трудах западного руссиеведения. Здесь четко прослеживается причинно-следственная связь. Русский пессимизм связывают также с такой типично азиатской чертой в глазах западных комментаторов, как фатальность, покорность судьбе. На основании изложенного еще раз подтверждается тезис за-

падного россиеведения о принадлежности России к Азии, Востоку. О русском пессимизме писали Хингли, Бялер и многие другие авторы. Э. Робертс в своем «Справочнике ксенофоба по русским» пишет, что фатализм русских может принимать форму ухода в абстракции и великие теории (читай: отсюда — он опасен) [4, p.11]. Современный пессимизм, принятый в нашем обществе, западные авторы объясняют разочарованием в политических переменах и трудным экономическим положением России.

В работах современного американского россиеведения имеется стереотип монотонности жизни и традиционализма русского общества и его культуры, он выступает в глазах западных исследователей важной характеристикой России, является устоявшейся чертой, присутствует почти во всех произведениях, представляющих русский национальный характер и Россию в целом. Р. Хингли особо выделяет склонность русских к традиционализму; кроме того, он подчеркивает, что основные признаки жизни русских (особенно в провинции) — монотонность и малоизменяемость [3, p.14]. Некоторые авторы полагают, что склонность русских к традиционализму выливается в среде интеллигенции в ностальгию по русскому патриархальному прошлому, славянофильскому движению, преданности старым традициям в творчестве и семье. Такая точка зрения нашла свое отражение на страницах книги Р. Дэниелса «Россия: корни конфронтации», в которой автор пытается дать широкому кругу американских читателей ответ на вопросы, в чем суть российских конфликтов и русской души [5]. Дж. Кип в издании «История Советского Союза, 1945-1991» указывает, что фактом традиционализма, ностальгии по прошлому является издание большого количества работ по древнерусско-

му искусству, коллекционирование древних артефактов, возросший интерес к русской религиозной философии. У М. Хайварда в монографии «Писатели в России, 1917-1978» также имеется высказывание, что многочисленные произведения соцреализма 1970-х — это отражение ностальгии по добрым старым временам, по «крепкой руке», сталинизму [6]. Он также уверен в славянофильских настроениях русской интеллигенции и считает это типичным традиционализмом.

Западные исследователи склонны считать, что Россия чересчур сосредоточена на уверенности в своей уникальности и мировой роли. Русская вера в мессианскую роль России раздражает Запад. И в образе России, сложившемся на Западе, стереотип русского мессианства занимает значительное место. Об этом писал Ф. Маклеан: «...идея третьего Рима, русской имперской судьбы, святой Руси распространялась и была повсюду в мире. Разумеется, в некотором отношении революция только служила тенденции и увеличивала это очень русское чувство мессианства» [7, p.321]. Э. Робертс отмечает даже время возникновения подобных воззрений; она пишет: «... русские верят, что их судьба как нации — спасти мир... в это они верят с шестнадцатого века» [4, p.5].

В целом идея русского мессианства решительно осуждается Западом, который не может примириться с тем, что кто-либо еще пытается взять на себя роль лидера любого толка — духовного, утопического и т.д.

Некоторые объяснения появления русского мессианства пытался дать в своей работе Р. Дэниелс. В монографии «Россия: корни конфронтации» он высказывает мысль, что «Россия жила и все еще живет с неискоренимым комплексом неполноценности в отношении культуры Запада и может компенсиро-

вать это только иллюзиями мессианства» [5].

Западная критика российской мессианской теории и стереотип критики русского мессианства занимает значительное место в исследованиях советологов. Жаль, что там нет достойного отражения теории американской исключительности или европоцентризма.

Еще один распространенный стереотип, имеющийся в работах американских россиеведов, – стереотип *противоречивости русского менталитета и культуры*. Р. Хингли писал: «За русскими всегда наблюдались метания между крайностями... опрометчивые, но также осторожные, терпимые, но придирчивые, свободолюбивые, но также рабские, независимые, но послушные, жесткие, но гибкие типы, жестокие, любящие, энергичные, ленивые, наивные, циничные, вежливые, грубые – они будут обнаруживать и разворачивать эти качества в одно и то же время... Русской специализацией является тенденция быть представителем или группой, которая меняет свои позиции, бросаясь из одной крайности в другую, или даже тенденция занимать две или больше взаимоисключающие позиции» [3, р.34].

Работы американского россиеведения, демонстрирующие наличие подобных стереотипов, характеризуются наличием частого упрощения, схематичности и неглубокого анализа. Они подчеркивают различие России и Запада с помощью утрированной, направленной характеристики. В частности, стереотип страдания подчеркивает рабскую сущность души русского человека, пессимизм и фатализм рассматриваются как типично азиатская черта, традиционализм и монотонность трактуются как нежелание изменяться, отсутствие рационализма. Мессианство осуждается как претензия на лидерство, противоречивость считается од-

ним из основных разрушающих факторов, воздействующих на национальную психологию. Более сложной представляется автору ситуация с комментарием религиозности русского народа. В глазах американского исследователя данная черта не является сугубо отрицательной, как многие другие, ибо религия – одна из «священных коров» западного общества. Россия – христианская страна, и с этих позиций нельзя назвать ее безоговорочно отсталой. Но русская православная церковь, отличающаяся от западной католической и протестантской, вызывает массу критики. Ее осуждают за внешнюю театральность и обрядовость, стремление к власти. Западный исследователь психологически не мог понять, почему русский народ выбрал православие, если католицизм и протестантизм – «более правильные» религии. В этом случае нашелся следующий ответ: православие – это часть пакета этнической идентичности, осознания себя русскими. С точки зрения западного исследователя, кроме всего прочего, русская православная церковь – это одно из условий культурной изоляции России от Запада, поэтому русская религиозность в итоге – это тоже негатив.

Многие оценки, выводы, характеристики даны из-за непонимания и незнания языка, обычаев, нравов. Другие – в силу предвзятости, личного отношения или позиции, продиктованной классовой, политической или религиозной принадлежностью, вследствие разницы национальных обычаев и менталитета.

Кроме стереотипов «чуждости», в американском россиеведении отражаются также **стереотипы «враждебности»**. В эту группу включаются все те стереотипы восприятия, с помощью которых определяется конкретно негативное отношение западного мира, основанное на чувстве собственной безопасности. Черты, которыми наделяется

русское (советское) общество и культура, в западном (американском) сознании во многом носят характер агрессии, угрозы западному миру, воинственности и секретности. С помощью этой группы характеристик также определяется коренное отличие России от западного мира, но они носят более категоричный характер. Если первая группа стереотипов обыденного сознания – стереотипы «чуждости» – просто подчеркивает отличие России от Запада, то вторая группа стереотипов говорит об угрозе со стороны нашей страны для западного мира. Если говорить об эмоциональной окраске данных стереотипов, то можно отметить, что она характеризуется переходом от нейтральных характеристик к негативным.

Характерным в силу своей распространенности стереотипом является общее представление *об отсталости* нашего общества и культуры. Данное стереотипное представление в различной форме находится почти в каждой работе американского исследователя, посвященной истории России. Господство официальной идеологии, цензуры и тотальный авторитаризм российского государства, с точки зрения западных исследователей, послужили залогом отсталости в развитии России в досоветские, советские и постсоветские времена. Отсутствие модернизации объясняется не только всевластием советского (российского) государства, но и особым настроем русской души, особенностями русского национального характера. «Русская точка зрения на современность включала, скорее, широкую веру в моральные принципы, чем в западные принципы модернизации», – пишет Т. Мак-Даниел [8]. Неудачи модернизации объяснялись также тем фактом, что в России нет ценностей западной парламентской демократии. Этого мнения, в частности, придерживались А. Улам,

О. Тэйлор, Н. Рязановский, Д. Тредголд и ряд других авторов.

Весьма распространенным в современной американской историографии является стереотип *жестокости и агрессивности* нашего государства и общества, отражающиеся на развитии российской культуры.

Жестокость рассматривается западными наблюдателями как качество, издавна присущее русскому человеку. Н. Райс указывал, что Россия всегда имела образ с чертами чего-то ужасного, хищного, сильного и безжалостного [9]. Русская жестокость трактуется и понимается американскими авторами по-разному; также по-разному объясняются и причины ее появления, корни и проявления. Некоторые исследователи считали, что причина жестокости кроется в особой системе ценностей русского общества. Ф. Маклеан в работе «Святая Россия» высказал мнение, что «слабость является чем-то, что русские презирают. Силу они понимают и восхищаются» [7, р.325]. По мнению Р. Дэниелса, причины русской жестокости и агрессивности кроются в культурной несамостоятельности, что компенсируется особой агрессивностью [5]. Об этом же говорит и Э. Робертс, которая подчеркивает, что одна из причин – «страх перед другими»; она говорит, что русские «одновременно готовы к обороне и агрессии» [4, р.5].

Еще один распространенный стереотип восприятия России, русского человека, русской культуры – стереотип *скрытности*, склонности русских к тайне, замкнутости русского характера, что рассматривается как подозрительная, вызывающая недоверие и враждебность характеристика. Это основной стереотип; автором выделена его связь со стереотипным убеждением в лживости русского человека. Лучшее всего характеристика скрытности озвучена в работе американских журналистов Д. и

Ф. Кун: «Хотя российским символом всегда был медведь, имидж моллюска подходит ей лучше. Даже когда она расширяла свою территорию, Россия скрывала свою оболочку. Иногда оболочка раскрывалась, впуская струйку движения людей, товаров и идей, затем закрывалась снова, отделив страну и людей от внешнего мира» [10].

Очень прочным, сформировавшимся одним из первых в западном сознании является стереотипное убеждение в принадлежности России к «восточному обществу»; согласно этому убеждению, Россия безоговорочно является азиатской страной со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Если провести контент-анализ, на первом месте по частоте употребления в работах американских исследователей стоит сравнение России с Китаем; на втором – с императорской Японией. Затем, соответственно, идут оттоманская Турция, Византия и Монголия.

Несколько менее распространенным стереотипным взглядом является убеждение в *лживости* русского национального характера. Р. Ститес, профессор Джорджтаунского университета, специалист по русской (советской) культуре, находит в лживости русских более мягкий вариант: он делает акцент на их необязательности, что ведет к потере времени [11].

В целом, комплекс черт, которыми наделяет Россию западное сознание, призван не только подчеркнуть отличие России от западного мира, но и ее явную, по сравнению с ним, отсталость, азиатскую принадлежность. Это апология западного мира, менталитета и культуры, сформированная в течение длительного отрезка времени и пополняющаяся в настоящее время новыми чертами и характеристиками. Большинство таких новых характеристик отражено в научных стереотипах восприятия, абстрагированных от ос-

новных руссиеведческих, советологических теорий и концепций.

Стереотипы восприятия, появившиеся в постсоветский период в американском руссиеведении, являются следствием научного поиска, попытки создать новую картину жизни России. Падение советского строя, коллапс идеологической системы вызвали не только крушение старых теорий и концепций западной русистики, но и разрушение и эрозию старых стереотипов восприятия, абстрагированных от этих теорий и концепций. Возникла ситуация, которая характеризуется потерей научной ориентации, вызвавшей чувство неуверенности в среде американских русистов. Необходимость создания новой картины, отображающей изменившуюся Россию, толкнула американское руссиеведение на пересмотр своих основных теорий и концепций.

Современное американское руссиеведение, характеризующееся модификацией старых научных представлений, испытывает много трудностей и невзгод. Но быстрое формирование новых психологических концептов, стереотипов восприятия указывает на то, что данная отрасль науки смогла выжить в трудных условиях.

Литература

1. Д. Ланкур-Лафферьер. Рабская душа России. – М., 1999.
2. Rowe E. Hamlet: A Window on Russia. – N.Y., 1976. – P. 168.
3. Hingley R. The Russian Mind. – N.Y., 1977.
4. Roberts E. The Xenophobe's Guide to the Russians. – L., 1993.
5. Daniels R. V. Russia: The Roots of Confrontation. – Cambridge (Mass.) – L., 1985.
6. Hayward M. Writers in Russia, 1917-1978. – L., 1983. – P. 117.
7. Maclean F. Holy Russia: A First Companion to Europ. Russia. – L., 1982. – P. 321.
8. McDaniel T. The Agony of the Russian Idea. – Princeton, 1996. – P. 23.

9. *Ries N.* Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika. – Ithaca, 1997. – P. 77.
10. *F. Kubn, D. Kubn.* Russia on Our mind. – N.Y., 1976. – P. 14.

11. In: *Smith J.* Beyond the Limits: The Concept of Space in Russian History and Culture. – Helsinki, 1999. – P. 263.

**В. БОРЗЕНКОВ, профессор
МГУ им. М.В. Ломоносова**

Почему мы говорим о дарвинизме в курсе концепций СОВРЕМЕННОГО естествознания? Это хороший вопрос. И ответ на него требует обращения к одному из самых драматичных эпизодов в развитии биологии.

Дело в том, что в XX веке теорию естественного отбора биологам пришлось формулировать заново. Несколькими утрируя, можно утверждать, что годом рождения теории естественного отбора как научной теории на самом деле является не 1859, а 1959 год. Только в год празднования 100-летнего юбилея труда Ч. Дарвина «О происхождении видов» был подведен итог работы плеяды выдающихся ученых по объединению представлений разных, бурно развивающихся в 1-й половине XX в. биологических дисциплин в рамках новой, СИНТЕТИЧЕСКОЙ концепции эволюции, стержневое место в которой вновь было отведено идее естественного отбора как ведущего фактора эволюции.

А первые два-три десятилетия XX века были периодом серьезнейших испытаний. Основным камнем преткновения оставалась проблема органической целесообразности, особенно вопрос о происхождении сложных органов в рамках живого организма как единого целого. К концу XIX в. все большее число биологов разных специальностей стало приходить к выводу о невозможности объяснения всех этих

Теория Ч. Дарвина – ядро современной биологии

особенностей живых организмов естественным отбором, являющимся, как тогда считали, фактором чисто консервативным, т.е. сохраняющим норму (путем элиминации всех отклонений от нее), но отнюдь не творческим, создающим. Это открыло простор для воскрешения ламарковских идей о запрограммированной и направляемой собственными усилиями организма эволюции. Возникают различные версии неоламаркизма (механоламаркизм, психоламаркизм), а также целый пучок концепций и направлений откровенно виталистического и метафизического порядка. Помощь могла бы прийти со стороны возникшей в 1900 г. генетики, но, по странной иронии судьбы, первое поколение генетиков в своих эволюционных взглядах заняло скорее антидарвинистские позиции, поскольку, по их представлениям, именно мутации являются источником новообразования и, следовательно, движущим фактором эволюции, а отбор выступает лишь в функции «сита», просеивающего, отделяющего вредные изменения от случайно полезных.

Все это дало повод одному из авторитетнейших ламаркистов начала XX века, немецкому ученому Р. Франсэ заявить следующее: «Итак, вполне добросовестно исследовав все доводы за и против, мы в настоящее время не можем более признать за отбором права на объяснение эволюции, которое при-